

Величественные звуки мантр на санскрите наполняли зал. Охапки цветов благоухали, статуи будды, покрытые золотом и серебром, держали лotosовую ветвь в одной руке и лотос в другой, их взгляд, устремленный вниз, был полон сострадания.

На украшенной драгоценными камнями кушетке лежал Тунмо Луоцзя в мантии касайя, его лицо было изможденным, глаза задумчивыми, а вокруг, казалось, витала слабая, плотная буддийская аура. Он больше походил на медитирующего Будду, чем золотая статуэтка на столе.

Он смотрел на Ли Яоинь умиротворенным взглядом, словно взирал с облаков на живых.

- Королевский Двор не место для принцессы. Мондатипа завтра покинет Королевский Двор, и принцесса может отправиться в путь вместе с ним. Мой личный страж Юань Цзюэ проводит принцессу в Тяньчжу, - сказал он.

Ресницы Ли Яоинь слегка дрогнули, и ее длинные очаровательные глаза пристально посмотрели на Тунмо Луоцзя.

Северный Жун трижды потерпел поражение от рук Тунмо Луоцзя, и Вахан-хан и Хайду Алинь некоторое время не осмелятся нападать на Королевский Двор. Ли Яоинь бежала в Королевский Двор и под покровительством Тунмо Луоцзя временно смогла вздохнуть с облегчением, но здоровье Тунмо Луоцзя было весьма тяжелым, и нет никаких новостей от Божа. Если Тунмо Луоцзя умрет, Королевский Двор окажется в критической ситуации, и тогда Хайду Алинь ее не отпустит.

Последние несколько дней Ли Яоинь обдумывала ситуацию. Если Тунмо Луоцзя не сможет избежать трагической смерти, она отправится в Тяньчжу вместе с Мондатипой, а затем вернется на корабле в Центральные Равнины. Пока Хайду Алинь жив, ей никогда не удастся вернуться домой через Хелун, она должна сделать крюк и отправиться в Тяньчжу, иначе она рано или поздно окажется в руках Хайду Алиня.

Это было ее решение после тщательного обдумывания.

Поэтому во время ее заключения она не бездельничала - каждый день она заставляла своих личных солдат изучать санскрит вместе с монахами.

Она не ожидала, что Тунмо Луоцзя тоже пришел к этому решению. Он был монархом в королевском дворце, они не родственники и не знакомые, почему же он так заботливо относится к ней? Даже сопровождение ее в Тяньчжу было организовано. Он не проживет долго, но все равно не забывает заботиться о ней, совершенно незнакомой женщине.

Взгляд Ли Яоинь упал на ноги Тунмо Луоцзя. Свободное одеяние касайи прикрывало его распухшие ноги, и со стороны казалось, что он просто сидит в позе медитации. Этому человеку поклонялись все окружающие при жизни, он всю жизнь охранял Королевский Двор и сохранял

свою позу медитации даже после смерти.

В книге, когда Северный Жун взял Священный Город и их солдаты прорвались в буддийский храм, увидев его труп, никто не посмел подойти. Даже Хайду Алинъ был необычайно милостив и велел своим войскам покинуть храм. Жители Западных регионов говорили, что Тунмо Луоцзя действительно является воплощением Ананды, поэтому он может сохранять свое тело нетленным, достигнув духовного просветления.

Ли Яоинь никогда не видела, чтобы старший монах умирал во время медитации. Она посмотрела на спокойное и красивое лицо Тунмо Луоцзя и представила, как этот человек скрывает свое состояние, день ото дня слабеет и худеет, стойко и тщательно оберегая Королевский Двор, пока не умрет в одиночестве. В ее сердце появилось легкое горькое чувство.

Когда он был ребенком, члены его семьи были жестоко убиты кланом Чжан, и из-за этого принцесса Чима ненавидела ханьцев. Он же не вымещал свой гнев на невинных, всегда оставаясь милосердным. Ли Яоинь и ее старший брат Ли Чжунцянъ в течение многих лет вели осторожную жизнь из-за гнева Ли Дэ и Ли Сюаньчжэня. Поэтому она была особенно тронута историей Тунмо Луоцзя, который, пережив множество трудностей, все равно оставался великодушным монархом в эти времена хаоса.

Она высоко ценила такого человека. К сожалению, она мало чем могла ему помочь.

Ли Яоинь на мгновение задумалась, шагнула вперед и присела у постели. Взяв деревянное блюдо с цветами с близлежащего столика, она сложила вуаль из легкого шелка в форму юаньбао и осторожно уложила рядом с касайей Тунмо Луоцзя.

Несколько ближайших стражей были ошеломлены, не понимая, что она хочет сделать, и некоторое время не двигались.

Тунмо Луоцзя слегка пришел в себя.

Ли Яоинь осторожно придвинулась, тщательно регулируя положение деревянного подноса. Пряди ее волос цвета воронова крыла блеснули под дрожащим светом свечи. Малиновая шелковая лента, которой были перевязаны ее волосы, свисала на шею, придавая ее белоснежной коже нефритовое сияние.

В заполненной сильными запахами комнате от нее исходил легкий, сладкий сливочный аромат.

- Достопочтенный, попробуйте, вам будет легче, - сказала Ли Яоинь, поднимая голову. Когда она улыбнулась Тунмо Луоцзя, ее яркие глаза изогнулись как два полумесяца.

Когда она была маленькой, то не могла ходить по земле, а могла только лежать и опираться на

землю, и именно этому методу научил ее лекарь.

В глазах Тунмо Луоцзя промелькнуло недоумение — но оно все еще было слабым, как плывущие облака по ясному небу, без единой ряби.

Он понял и сложил ладони в молитвенном жесте. Ли Яоинь ответила поклоном и встала, чтобы уйти. Она ничего не могла для него сделать; только надеялась, что этому человеку будет не так больно перед смертью.

Юань Цзюэ вывел Ли Яоинь из главного зала. Когда они вдвоем пересекли длинный коридор, из-за угла внезапно раздалось рычание. Солдаты, стоявшие на страже, поспешно отступали. Рычание стало более глубоким, в нем слышались предупреждающие нотки.

Ли Яоинь подняла голову, и по ее телу прокатилось озноб. В тени стены стоял леопард с пятнистым узором на шкуре и смотрел на толпу. Его бледно-желтые глаза светились в темноте ночи заворазживающим фосфоресцирующим светом.

Юань Цзюэ встал перед Ли Яоинь и нервно сглотнул.

- Это леопард, выращенный регентом. Он не был приручен и только слушает слова регента. Принцесса, не двигайтесь, не смотрите на него!

Ли Яоинь отвела взгляд и замерла на месте. При виде леопарда, притаившегося в темноте, ее ноги немного подкосились. Она не смогла бы пошевелиться, даже если бы захотела.

После нескольких мгновений противостояния между человеком и леопардом из глубины длинного коридора слышались шаги, и мимо промелькнула высокая фигура.

Юань Цзюэ поспешно позвал тихим голосом:

- Регент, А-Ли здесь!

Тень повернулась, блеснув мечом на поясе, и двинулась в другом направлении. Леопард поднялся и спрыгнул с высокой стены, следуя за ней.

Ли Яоинь вздохнула с облегчением.

Во дворце Тайцзи в Чанъане содержалось множество редких и экзотических животных. Ли Чжунцян часто брал ее туда с собой, чтобы развлечься в свободное время. Среди них был леопард, но эти экзотические животные были предложены в качестве дани, одомашнены и приручены. Она никогда не видела такого свирепого леопарда.

В этот вечер Божа и Ашина Бисо не успели вернуться в Священный город.

Свечи в главном зале горели всю ночь, и воины Центральной армии, оставшиеся в городе, возвращались во дворец, чтобы усиленно охранять его. Не прошло и двух сиченов, как весть о том, что регент повредил руку Сюэ Яна, распространилась по Священному Городу. Министры двора временно призадумались и тайно отозвали своих шпионов, благоразумные даже отправили во дворец щедрые дары.

Пока монахи в храме молились за Тунмо Луоцзя, Мондатипа вернулся во внутренний двор, чтобы собрать свои вещи и своих учеников и сопровождающих, готовясь к отъезду. Ли Яоинь давно уже упаковала свой багаж и вместе с Монтадипой и его учениками покинула дворец.

Выйдя из дворцовых ворот, Мондатипа оглянулся на королевский дворец позади себя и глубоко вздохнул:

- Этот бедный монах некомпетентен и не смог спасти Сына Будды.

Ли Яоинь подстегнула свою лошадь, чтобы не отставать от него, и спросила:

- Почему вы не подождали еще несколько дней?

Мондатипа обернулся и сложил руки вместе:

- Времени больше нет.

Ли Яоинь промолчала. Мондатипа продолжил:

- Сын Будды добросердечен и беспокоится, что министры Королевского Двора усложнят жизнь этому бедному монаху и принцессе. Когда этот бедный монах впервые появился при Королевском Дворе, я поспорил с Сыном Будды и проиграл ему. Этот бедный монах и Сын Будды заключили соглашение: я обещал остаться и лечить его, и сегодня тот день, когда этот период подходит к концу. Если я уйду сегодня, у министров Королевского двора не будет причин задерживать этого бедного монаха.

Он проиграл Тунмо Луоцзя, и согласно правилам обсуждения священных писаний ему следовало бы поклоняться Тунмо Луоцзя как своему учителю. Тунмо Луоцзя, однако, сказал, что буддийские писания, которые они изучали, были разными, преследующими разные цели освобождения, поэтому он не осмелится быть его учителем, но просит его остаться королевским врачом и уйти, когда этот период закончится.

Ли Яоинь знала, что буддизм зародился в регионе Тяньчжу, затем распространился на Западные регионы и Центральные равнины. Смешиваясь с местными верованиями, он претерпел различные изменения и постепенно эволюционировал в течение нескольких сотен

лет, давая начало различным сектам. В Западных Регионах буддизм укоренился и стал господствующей религией, где монахи были уважаемы, и короли, и рабы были самыми преданными последователями буддизма. Здесь строились многочисленные буддийские храмы, передавалось огромное количество буддийских священных писаний и текстов, каждый год проводились пышные буддийские церемонии. Монахи Центральных равнин называли Западные регионы «Маленьким Западным раем».

В то время как в родной стране Мондатины, в Тяньчжу, буддизм уже показывал признаки упадка.

Ли Йоинь помнила, как Мондатына, несмотря на все трудности, настаивал на том, чтобы приехать в Западные Регионы. Почему же он остался здесь менее года и теперь уезжает?

Она выразила свои сомнения.

Мондатына слегка улыбнулся:

- Этот бедный монах видел буддийских монахов и знает, что его поиск в этой жизни не напрасен. Будда спасает существ в соответствии с их собственными причинами и условиями. Вопрос лишь в том, каким образом осуществлять спасение и из каких форм освобождаться. Западные Регионы не то место, где должен быть этот бедный монах.

Ли Йоинь вспомнила бирюзовые глаза Тунмо Луоцзя, темные и собранные, как лепестки лотоса, и спросила:

- Каким образом буддийские практики добиваются освобождения, к которому стремится Сын Будды?

Мондатына на мгновение заколебался, казалось, не в силах подобрать слова, чтобы описать это. После долгого молчания он сказал:

- Сын Будды выбрал очень трудный путь практики.

Ли Йоинь слегка вздохнула про себя. Ей казалось, что Тунмо Луоцзя, возможно, следует учениям Махаяны.

Буддизм разделяется на Хинаяну и Махаяну. Если объяснить простыми словами, Хинаяна считает, что обычные люди не могут достичь просветления, и подчеркивает индивидуальную практику и стремление к собственному освобождению от цикла перерождений. Махаяна считает, что в трех временах и десяти направлениях существует бесчисленное количество будд, а Сиддхартха Гаутама - всего лишь один из них. У каждого человека есть Буддийская природа, и помимо своего собственного спасения, они также стремятся спасти других.

Тунмо Луоцзя, который охранял Королевский Двор и все делал с заботой о народе, явно принадлежал к секте Махаяны.

Они покинули дворец, преодолели стены из камня, поднялись по дорожке и прошли через длинный узкий темный каменный туннель. Впереди внезапно открылся свет, и ветер принес шум голосов.

В ту ночь, когда Ли Яоинь пришла в Священный Город, было уже поздно, и с тех пор она все время была в королевском дворце, так что ей никогда не доводилось видеть город при дневном свете. Услышав голоса, она с любопытством огляделась.

От этого взгляда она невольно затаила дыхание.

Рассветный свет был ярким, на огромном чистом небе ни облачка, было ясно видно на много ли вокруг. Горы слоисто поднимались в небеса. Первые лучи утреннего света струились вниз, придавая сияние заснеженным вершинам и создавая неописуемую красоту и величие.

На полпути к вершине горы простирались обширные участки ярко-зеленой растительности. Горы скрывались в тумане, создавая величественный и красивый пейзаж, в котором едва можно было разглядеть древний буддийский храм, скрытый глубоко среди лесов на склоне. Внизу у подножия горы расстился глубокий каньон, на дне которого зигзагами текла река, создавая большие и маленькие озера, похожие на вставленные в землю кусочки аквамарина и сапфира, отражая ясное голубое небо и солнце. У берега озера зеленая трава стелилась как ковер, и рельеф местности был более пологим.

Глядя на юг, Ли Яоинь видела бескрайние поля, на которых колыхались волны колосьев. В конце этой плодородной равнины находился Священный Город, который охранял Тунмо Луоцзя.

Это был величественный и богатый город, широкая река извивалась с запада на восток, обтекая высокие стены города, угловые башни которого возвышались в небеса, создавая величественный вид. План города был так же аккуратен и однороден, как и Чанъань. Оживленный базар располагался на юге, а особняки и жилые дома все больше сосредотачивались к северу по мере подъема рельефа. В самом северном конце возвышающийся буддийский храм окружали лестничные пролеты дворца. Дворцовые залы были многоэтажными с высокими карнизами. Казалось, что это были просто храмы и буддийские залы, расположенные один за другим, поскольку среди них стояли сотни пагод высотой в несколько метров. В царственном великолепии, исполненный достоинства и величественности, он заявлял о своем существовании в возвышенной святости Королевского Двора.

Это был буддийский храм Тунмо Луоцзя.

В городе двигались толпы людей, экипажи и лошади заполняли дороги, люди в разноцветной одежде из разных племен проходили по улицам, а на главной дороге за городом поднималась

пыль от торговцев, ведущих своих верблюдов, слонов, лошадей и скот в город. Среди мелодий пипы звучали радостные веселые голоса, создавая картину безмятежности и процветания.

Ли Яоинь придержала коня, глядя на Священный Город у своих ног, ее сердце билось, как прилив. Она долгое время не могла вымолвить ни слова.

Величественные горные вершины, изумрудные долины, многочисленные дома, словно расставленные веером, остроконечные пагоды и буддийские ступы, горы и ущелья, отражение света на озере и пейзажи - это было похоже на великолепный живописный свиток, медленно разворачивающийся перед ее глазами.

В этой пустыне, на расстоянии 8000 ли от Центральных Равнин, она удивительным образом видела цветение персиков и слив, повсюду виднелась шелковица в полном цвету.

Если бы не далекие заснеженные вершины, бескрайние песчаные дюны далеко за рекой, и буддийские храмы в городе, отличающиеся от традиционных строений Центральных Равнин, Ли Яоинь могла бы подумать, что эстакада, которую она только что пересекла, вернула ее обратно в Цзиннань.

Это оазисное государство в сердце пустыни оказалось таким богатым и процветающим. Неудивительно, что Северный Жун настаивал на захвате Королевского Двора, и неудивительно, что Тунмо Луоцзя многие годы стойко защищал этот город...

Ли Яоинь смотрела на шумный и оживленный Священный Город в первых лучах рассвета и, казалось, видела одинокую жизнь Тунмо Луоцзя.

Мондатипа и его спутники уже удалились, а она все еще стояла у входа в пещеру, уставившись на происходящее. Ее охранники, также потрясенные увиденным, долго не могли прийти в себя.

Ли Яоинь опустила глаза и заметила, что они находятся на высоком обрыве с отвесной скалой внизу, а река шириной несколько десятков цзиней извивается вдоль утеса, прокладывая себе путь сквозь скалу внизу. Ветер со свистом проносился мимо.

Той ночью Тунмо Луоцзя вернулся в город только после захода солнца, и они пошли по укромной тропинке, поднимаясь на высокие каменные ступени, ведущие напрямую во дворец. Она видела только высокий обрыв и реку, думая, что Священный Город - всего лишь обычный оазисный городок.

Оказалось, что Священный город находился глубоко в каньоне, окруженный высокими земляными утесами, образующими естественный барьер. Эта уникальная местность, вероятно, была одной из причин, по которой Северный Жун несколько раз нападал на Священный Город, но ни разу не смог взять его.

К сожалению, после смерти Тунмо Луоцзя, этот процветающий край был обречен пасть под железными копытами Северного Жун.

Ли Яоинь развернула свою лошадь. Один за другим ее личные солдаты последовали за ней. Они спустились с горы, преодолевая долгий узкий лесистый каньон. Когда они обернулись, святые ступени буддийских ступеней уже были невидимы.

Группа остановилась, чтобы отдохнуть. Ли Яоинь накормила своего коня двумя кусками травяных лепешек, когда вдруг раздались звуки копыт, похожие на капли дождя. Вихри песка взлетели в небо, солдаты верхом на лошадях мчались со скоростью молнии, а стук лошадиных копыт эхом отдавался между крутыми утесами.

Юань Цзюэ, который сопровождал Ли Яоинь в Тяньчжу, внезапно поскачил, указывая на всадника. Его лицо светилось восторгом:

- Генерал Ашина вернулся! Генерал Ашина вернулся!

Ли Яоинь посмотрела туда, куда он указывал. Молодой генерал уже приблизился к ним, это был парень лет двадцати, с золотистыми волосами, бирюзовыми глазами и глубокими чертами. Его белая мантия развевалась на ветру.

Взгляды этих двоих встретились. Ашина Бисо на мгновение потерял концентрацию, но не остановился и проскакал мимо них галопом. Ли Яоинь тупо уставилась на него, внезапно почувствовав, что глаза этого мужчины кажутся знакомыми.

У него также была пара бирюзовых глаз.

...

Ашина Бисо вернулся вовремя, поэтому Мондатипа тотчас повернул обратно во дворец. Тунмо Луоцзя мог быть спасен. Ли Яоинь, не раздумывая, пошла вместе с Мондатипой обратно в Священный Город.

Возвращаясь на Центральные Равнины морем через Тяньчжу, она, конечно, смогла бы избежать Хайду Алиня, но такое путешествие было долгим, а риск велик. Если только это не было ее последним средством, она надеялась вернуться на Центральные равнины из Хелуна.

Потому что она боялась разминуться с Ли Чжунцянем.

Прошло столько времени с ее ухода, и Ли Чжунцянь, несомненно, придет ее искать — не важно, оправился ли он от своих ран или нет, дошла ли весть об уничтожении племени Елу до Чанъаня или нет, Ли Яоинь была уверена, что пока ее старший брат жив, он приедет к ней.

Теперь, когда Тунмо Луоцзя еще может быть спасен, ей следовало остаться, чтобы иметь возможность вернуться домой.

Рано или поздно Хайду Алинь повернет на атаку в Центральные Равнины, и лучше быть готовой заранее, чем ежедневно ждать в страхе и трепете. В настоящее время он всего лишь непрочный, вспыльчивый и угрюмый принц Северного Жун, далекий от того мудрого и коварного правителя, каким он станет через несколько десятилетий. Если уж пришлось встать против него, то лучше отсечь ему крылья, пока его сила не окрепла!

<http://tl.rulate.ru/book/72517/3427454>